

Бородовский А.П.
(Новосибирск)

МНОГОСЛОЙНЫЙ ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МУНЫ-1

ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛОВ НА НИЖНЕЙ КАТУНИ

(вопросы культурогенеза и инфильтрации древнего населения
в условиях горной среды)

На протяжении ряда тысячелетий в культурогенезе обитателей обширных территорий юга Западной Сибири существенную роль играли миграционные процессы. Горные системы представляли собой районы, где разнообразные следы перемещений населения и влияния на культурное развитие прослеживаются довольно отчетливо, что обусловлено целым рядом причин.

Достаточно давно была подмечена роль горной среды как отправной точки миграционных процессов, распространения определенных культурных влияний, а также как территории формирования новых этносов (Клейн Л.С., 1974, с.132). Этот фактор не только стимулирует развитие формирующегося этноса, но и ориентирует его движение в определенном направлении (из теснины – на простор). Для целого ряда территорий юга Западной Сибири, сопредельных с алтайской горной страной, это его значение сохранялось на протяжении нескольких эпох, поскольку культурные влияния и проникновения населения оттуда в равнинные районы отмечаются на протяжении всей эпохи металлов – от бронзы до раннего железа (Могильников В.А., 1988, с.81-83, Уманский А.П., 1987, с.35-43). Вместе с тем горная среда, отличающаяся разнообразием природных зон, экологических ниш и естественно-сырьевых ресурсов, привлекала к себе выходцев из прилегающих и удаленных равнинных территорий. Ещё в период ранней бронзы отмечаются случаи продвижения больших масс населения предгорной зоны вглубь горных массивов Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1991, с.69). Движение происходило в основном по системе горных долин Северо-Западного Алтая (рис.1) и магистральных водных артерий от Ануя до Катуня, имеющих параллельно-веерообразную ориентацию. Эти долины являлись естественными транспортными коридорами, соединяющими горно-таежные и высокогорные зоны с равнинными лесостепными предгорьями (Васильевский Р.С., 1985, с.47). Здесь встречались потоки переселенцев из различной культурной среды (Молодин В.И., Бородовский А.П., 1994, с.19-28). При таком характере направленности миграционных процессов районы предгорий и низкогорий становились контактной зоной между различными историко-культурными ареалами. Здесь возникали ростки качественных изменений соприкасающихся традиций. Вследствие этого миграционные процессы могли вообще прекратиться или замедлиться, что могло находить отражение в специфических элементах керамического комплекса (Бородовский А.П., 1987, с.93. 94, Бородовский А.П., 1990, с.122-128). Вместе с тем в низкогорье и среднегорье Северо-Западного Алтая формировались контактные зоны, здесь встречаются вкрапления погребальных памятников культуры горного и лесостепного происхождения (Могильников В.А., 1988, с.81-83). В условиях периодического притока мигрантов и длительного соседства представителей разных культурных групп при определенных исторических условиях (дестабилизация обстановки в данном регионе и на сопредельных территориях) в эпоху раннего железа сложились особые культуры контактной зоны (Киреев С.М., 1992, с.56). Локализация этих новых культурных образований в значительной степени определялась естественной организацией окружающего рельефа и природно-экологическими нишами, соответствующих определенному типу хозяйства. Например, в верховьях обского бассейна и низовьях Катуня по различным берегам с эпохи раннего железа (Могильников Ю.Ф., 1988, с.81-83) и до этнографического времени параллельно проживали и интенсивно контактировали группы населения, разные по происхождению и хозяйственной ориентации (от подвижной до оседлой).

При продвижении вглубь горных систем значение рельефной организации как естественного разграничителя культурных традиций и количественной представленности их следов конечно возрастало (Савинов Д.Г., 1972).

Наличие разграничительных рубежей, в свою очередь, создавало условия для возникновения районов – микроизолятов. Там не только складывались предпосылки для консервации культурных традиций с длительным бытованием архаичных элементов, но и появилась возможность пережиточной преемственности от одной культурной линии к другой.

Наиболее ярко эти территории в археологических материалах эпохи раннего железа представлены в высокогорной части восточного Алтая. Для материальной культуры таких территорий характерны парадоксы датировки вещевого инвентаря (Бородаев В.Б., Кореняко В.А., 1991, с.78, 79; Членова Н.Л., Кубарев В.Д., 1990, с.53, 54), что имеет свои этнографические параллели в изолированных районах. Микроизоляты фиксируются и в ряде мест Северо-Западного и Центрального Алтая. Один из них – район современного села Ело (Плотников Ю.А., 1992, с.18). Подобная тенденция развития для этой территории сохранялась на протяжении очень длительного

времени, о чем можно судить по соответствию археологических и этнографических данных. На археологическом уровне можно проследить пережиточные явления эпохи раннего металла и наследование их в период раннего железа. При концентрированном выражении культурной традиции своего проявления на этнографическом уровне здесь чаще всего происходила консолидация их носителей в переломные исторические эпохи, как например при дестабилизации политического положения на Алтае и в Центральной Азии в середине XVIII столетия (Самаев Г.П., 1991, с.180). Территории – микроизоляты вне всякого сомнения были на севере Алтая. По крайней мере, по этнографическим данным они выделяются почти у самой кромки горных отрогов на границе с лесостепными районами (Бородовский А.П., 1991, с.61). Не исключено, что среди микрорайонов археологических памятников на других сопредельных территориях, характеризующихся наличием архаичных черт и пережитков культурных традиций, возможно выделение микроизолятов. В целом в рамках процессов культуругенеза горные системы выполняли функцию зон, куда просачивалось население различное по своему происхождению. Горные коридоры в условиях жесткой организации пространства предопределяли движение или расположение носителей определенных культурных традиций в естественно ориентированной системе сообщения – в горных речных долинах. Особенно показательными на этих территориях являются многослойные поселенческие комплексы. Они давно привлекают внимание исследователей наличием в их стратиграфических колонках и археологическом материале отражения реальной хронологической последовательности культуругенеза и инфильтрации населения алтайского региона. В расположении таких поселенческих комплексов на Алтае имеются определенные закономерности. Как правило, поселение находится не на магистральной реке (рис.2), а на её небольшом притоке (рис.3), предустьевая долина которого была наиболее удобной для жизнедеятельности (Бородовский А.П., 1991, с.61). Одним из таких памятников является многослойное поселение Муны-1, открытое на нижней Катуне в конце 70-х г. В.И.Молодиным (Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985, с.59-63). Поселенческий комплекс расположен на р.Муны – правом притоке Катуне в предустьевой долине, именуемой урочищем Болотов лог (рис.3). Общая площадь поселения составляет около 2,5 тыс.кв.м. Оно занимает южный склон отрогов горы Тексюр, где при спрямлении русла безымянного ручья, впадающего в реку Муны, была обнажена и частично разрушена пачка напластований различных периодов. Предварительно, на основании сборов подъемного материала, поселение Муны-1 датировалось эпохой раннего железа (Молодин В.И., Петрин В.Т., 1985, с.59-63) и в основном упоминалось в сводках памятников I тыс.до н.э. (Киреев С.М., 1988, с.60). Слой эпохи раннего железа действительно является одним из мощных напластований на памятнике. Он представлен темно-серым черноземом, типичным для межгорных котловин и речных долин нижней Катуне. В слое содержится большое количество фрагментов керамики горшковидной, баночной и плоскокивдной формы, орнаментированных преимущественно "жемчужинами", угловыми оттисками, наколами, насечками и рассеченными валиками (рис.4 A/5,9/, D/4,5/). Особый интерес вызывает горшок с налепными петлевидными ручками у горловины (рис.4 D/7/) Посуда такой разновидности характерна для территорий соседнего Казахстана, где она встречается в VII-VI вв. до н.э. На Алтае (Суразаков А.С., 1989, с.68) и в его предгорьях подобного типа посуда появляется позднее, в IV-III вв.до н.э., и встречается среди материалов пазырыкской, кара-кобинской культур и памятников чумышско-ишинской группы. На поселении достаточно много фрагментов валиковой керамики (рис.4/A,D), соотносимой различными исследователями с несколькими археологическими культурами Горного Алтая – пазырыкской и быстрианской. Однако слой эпохи раннего железа на поселении Муны-1 вряд ли можно однозначно связывать с этими культурными традициями. Материалы быстрианской культуры с Северного Алтая имеют сходство в чертах погребальной обрядности и керамического комплекса с комплексами эпохи раннего железа из Восточного Казахстана и Горного Алтая (Киреев С.М., 1994, с.119; Абдулганеев М.Т., 1994, с.106-109), но они отличаются от материалов поселения Муны-1 по целому ряду признаков, в частности, по общей типологии поселенческого комплекса. Поселения быстрианской культуры представлены, как правило, двумя типами (Абдулганеев М.Т., 1992, с.61). Один из них – поселения небольших размеров с тремя-четырьмя жилищами, располагающимися вдоль берегов низовой Катуне в зоне предгорий (Березовка-3). Другой тип быстрианских поселений характеризуется большим количеством жилищ (до 30) и площадью около 2,5 тыс.кв.м. Хотя поселение Муны-1 по размерам соответствует этому стандарту, но оно имеет существенные отличия. Так, по планировке поселения быстрианских типов более близки к лесостепным памятникам, расположенным по магистральной реке. Поселение же Муны-1 находится (согласно особенностям расположения в горном регионе) в предустьевой долине одного из притоков большой реки. Кроме того, несмотря на то, что в публикациях на поселенческом комплексе Муны-1 описаны западины от котлованов полуземлянок (Мартыщенко Е.В., 1988, с.61), в действительности это поселение не имеет рельефных признаков. В ходе исследований была зафиксирована жилая площадка скорее всего наземного, переносного жилища с очагом, вокруг которого располагалось несколько развалов сосудов. Предположительно это жилище имело сходство с конусообразной юртой традиционного конического типа – чадыром, широко известным на Алтае (Тошаква Е.М., 1978, с.61) как сезонное или постоянное жилище населения, связанного с промысловой и скотоводческой деятельностью. Ещё одним признаком, отличающим Муны-1 от

поселений быстрянской культуры, является сходство его некоторых разновидностей посуды с керамикой из соседних синхронных погребальных комплексов. Для нижней Катунь подобная корреляция не единичный случай. Например, керамика быстрянского поселения Майма-18, расположенного севернее Муны-1, имеет явные соответствия с посудой синхронного и однокультурного могильника Майма-6, 7 (Киреев С.М., Алехина Е.В., 1994, с.81). Однако имеющая сходство керамика с поселения Муны-1 и из могильника Барангол отличается от посуды из погребальных и поселенческих комплексов. По обряду погребения курганная группа Барангол, расположенная около поселения Муны-1, существенно отличается от быстрянских захоронений в могильниках Майма-6, 7, 19. В этом погребальном комплексе не имеется захоронений коня и его сбруи, характерных для быстрянской культуры (Киреев С.М., 1992, с.57). Кроме того, в могильнике Барангол погребенные ориентированы головой преимущественно в южном направлении, тогда как для быстрянской культуры типично широтная ориентация умерших в основном на западе (Киреев С.М., 1992, с.56). Одним из признаков сходства является положение умерших на правом боку с согнутыми ногами. Но эта черта для быстрянской культуры не является основной, имеются могилы, где погребенные были положены на спине. Вместе с тем, обычай хоронить умерших на боку был характерен для носителей целого круга культур Саяно-Алтая – пазырыкцев, каракобинцев, саглынец. В целом, все это позволяет отнести захоронения курганного могильника Барангол к памятникам нижней Катунь особого погребального типа IV- III вв. до н.э., отличающимся от быстрянской и северного варианта пазыракской культур. В свою очередь, корреляция керамики могильника Барангол и поселения Муны-1 позволяет считать последний комплексом с неоднозначной культурной принадлежностью в рамках культур Северного Алтая эпохи раннего железа. Сравнение керамики и многих других характеристик поселения Муны-1 и могильника Барангол позволяет предполагать существование на этой территории во второй половине I тыс. до н.э. особой группы населения по соседству с носителями других культурных традиций Алтайского низкогорья и среднегорья. Мозаичность расселения и общее этно-территориальное единство населения Северного Алтая эпохи раннего железа можно проследить по такому признаку, как владение навыками примитивного прядения. Достаточно очевидно, что различные по этническому происхождению группы населения имеют существенные различия в способах примитивного прядения и владения необходимыми для этого инструментами и приспособлениями (Кармышева Б.Х., 1979, с.257). Для Алтая это имеет особое значение. Согласно этнографическим данным, у значительной части алтайских племен этот промысел вообще отсутствовал. Только у проживавших на Северном Алтае челканцев и кумандинцев существовало примитивное прядение (Народы Сибири, 1956, с.338). В эпоху раннего железа это подтверждается данными, касающимися распространения пряслиц на Алтае. Дело в том, что в археологических культурах южной и центральной части алтайских гор (пазырыкской и каракобинской) пряслица не характерны для погребальных и поселенческих комплексов. На Северном Алтае по течению Катунь они известны в могильниках и поселениях в окрестностях в районе Горно-Алтайска (Майма-1, 19, Бочкаревка, Кызыл-Озек-2). Южнее, в районе среднегорья, картина несколько меняется: пряслица встречаются только на поселенческих комплексах эпохи раннего железа (Муны-1 (рис.4 D/3), Аскат-2) (Шульга П.И., 1992, с.65), в погребальном инвентаре они отсутствуют. Это ещё один отличительный признак погребений могильника Барангол от захоронений носителей быстрянской культуры. Наличие пряслиц наряду со сходством керамики могильника Барангол и поселения Муны-1 подтверждает культурно-территориальное своеобразие этих памятников. Кроме этого, в культурном слое эпохи раннего железа поселения Муны-1 обнаружены кости и зубы крупных копытных, а так же обломки верхних и нижних камней зернотерок типа "паспах" (рис.5). В целом, учитывая характер керамического комплекса поселения, а также вышеперечисленные признаки соотнести Муны-1 с общей типологией Горного Алтая не возможно, поскольку все эти особенности достаточно красноречиво характеризуют названный памятник как разновидность поселенческого комплекса, сочетавшего одновременно черты поселений Алтая эпохи раннего железа первого и второго типов по классификации П.И.Шульги (Шульга П.И., 1990, с.18). На поселении Муны-1 отмечено параллельное бытование валиковой керамики (рис.4/A,D) и фрагментов сосудов, орнаментированных "жемчужинами" и угловыми оттисками, а также наколами. Такое сочетание не характерно для поселений первого и второго типов. Более того, поселенческий комплекс Муны-1 эпохи раннего железа нельзя на прямую соотносить и с третьим типом, по этой классификации, так как для него характерны преимущественно скотоводческая ориентация хозяйства и отсутствие зернотерок. Это, в свою очередь, сближает поселение Муны-1 с синхронной группой поселенческих комплексов правобережья Катунь, расположенных на севере и юге по соседству с поселениями Майма-1, Черемшанка, Чепош-2, где велось многоотраслевое хозяйство (занятия скотоводством и земледелием отражены в предметах материальной культуры и остеологических выборках). Преобладание среди остеологического материала поселения Муны-1 зубов и костей крупных копытных свидетельствует о большом значении этих животных в стаде, адаптированном к северной увлажненной зоне Алтая (Гальченко А.В., Шульга П.И., 1992, с.94-97). Любопытно, что границы распространения пряслиц в Алтайских горах и этой экологической ниши практически совпадает. Пример тому – пряслице, найденное на поселении Аскат-2, которое расположено на границе

увлажненной зоны Алтая.

Многослойный характер поселения Муны-1 так же достаточно показателен для Северного Алтая в нижнем течении Катуня. В эпоху поздней бронзы, непосредственно предшествовавшей раннему железному веку, здесь проходила южная граница ареала ирменской культуры (Кудрявцев П.И., 1988, с.62-63), существовавшей с IX-VIII по VII вв. до н.э. Носители этой культурной традиции, двигаясь из лесостепи не проникли глубоко в горы Алтая. Характер залегания находок ирменского времени и их насыщенность на правобережье Катуня позволяют очертить эту границу предельно четко. Так, если в низкогорье ещё встречаются поселенческие (Кудрявцев П.И., 1992, с.38) (Майма-1) погребальные (Суртайка) (Членова Н.Л., 1973, с.207-209) комплексы ирменцев, то в среднегорье зафиксированы лишь отдельные фрагменты сосудов на многослойных поселенческих комплексах. На поселении Муны-1 вне культурного слоя обнаружен обломок венчика ирменского сосуда (рис.6/1/). Единичные ирменские находки вне культурного слоя характерны для Денисовой и Каминной пещер (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с.107), находящиеся в той же горной зоне. Малочисленность ирменских находок указывает на то, что носители этой культурной традиции посещали территории Северо-Западного Алтая лишь эпизодически. Учитывая комплексную скотоводческо-земледельческую ориентацию хозяйства ирменцев, нельзя быть уверенным в возможности его адаптации к природно-климатическим условиям среднегорья Алтая. И на нижней Катуня (поселение Муны-1) и в верховьях Ануя (Денисова пещера) памятники, содержащие свидетельства эпизодического присутствия носителей ирменской культуры, находятся в увлажненной зоне гор. Население ирменского времени, комплексная земледельческо-скотоводческая деятельность которого была возможна на увлажненных пойменных участках, в условиях относительной засушливости климата той эпохи (Косарев М.Ф., 1981, с.207) не могло без видимых причин не освоить эти удобные территории. Однако этого не произошло, что объясняется, вероятно, несколькими факторами – хронологического и климатического характера. Освоение южной периферии ареала ирменской культуры могло происходить относительно поздно, когда на рубеже эпох поздней бронзы и раннего железа началось увлажнение, стимулировав, по мнению некоторых исследователей, миграции её носителей (Матвеев А.В., 1993, с.138). Изменение климата на территории верхнего Приобья обусловило сокращение масштабов древнего пойменного земледелия (Бородовский А.П., 1994, с.20-21) и его постепенное исчезновение или деградацию. На Алтае эти процессы несомненно имело место, поскольку повсеместно с 1000 по 800 гг. до н.э. происходило интенсивное таяние ледников (Борисенков Е.П., Пасецкий В.М., 1988, с.60), завершившее фазу, начавшуюся в 8000-3000 гг. до н.э. Это несомненно сказалось на переувлажнении речных долин, находящихся во влажной зоне алтайских гор. Учитывая это, особенно интересно то, что слой эпохи раннего железа перекрывает отложения афанасьевского времени в виде серого чернозема. По мнению некоторых исследователей, при заселении Северо-Западного Алтая афанасьевцы предпочитали в основном остепненные территории, избегая увлажненных районов (Шульга П.И., 1993, с.87). Данные стратиграфических разрезов поселения Муны-1 позволяют уточнить эту точку зрения. Причем такая ситуация не единична: на исследованной в той же экологической среде поселения Аскат-2, под слоем эпохи раннего железа также имеются отложения афанасьевского времени. Ещё ближе территориально к Мунам-1 расположены афанасьевское поселение Чепош-1 и несколько погребальных комплексов этого времени – Чепош-3 (Шульга П.И., 1993, с.87), Эликманар (Степанова Н.Ф., 1993, с.97). Все эти комплексы входят в северную группу афанасьевских памятников на Алтае, поэтому напрашиваются предположения о расположении поселения Муны-1 на северной границе распространения этой культуры эпохи ранней бронзы. Тем более, что керамический материал с поселенческого комплекса на р.Муна достаточно типичен для различных афанасьевских поселений Алтая в целом. Этого нельзя сказать о каменном инвентаре, представленном в основном галечными (рис.4/2, 6) и пластинчатыми изделиями (рис.6/5, 7). Аналоги этим предметам имеются в основном среди материалов памятников, находящихся на северных границах ареала афанасьевской культуры. Так, каменный пластинчатый нож (рис.6/7) очень близок к предмету из погребения в могильнике Пещеркин Лог-1 в бассейне Ануя на Северо-Западном Алтае. Длинные каменные "отбойники", или песты, с поселения Муны-1 (рис.6/8) имеют определенное сходство с изделием из афанасьевского могильника Чепош-3, расположенного поблизости. Следует упомянуть и то, что ранее опубликованная глиняная афанасьевская "курильница" из Мунов (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с.57, 62) вполне обоснованно коррелируется с погребальными памятниками (Шульга П.И., 1993, с.87) от жителей этой деревни известно о разрушении здесь "у притора погребения скорченного человеческого костяка". Это вполне соответствует особенностям афанасьевского погребального обряда. Все эти факты позволяют расширить аргументацию для выявления локальных вариантов афанасьевской культуры, особенно на северной периферии её ареала (Бородовский А.П., 1994, с.21). Вместе с тем закономерен вопрос об абсолютной и относительной хронологии северных памятников и их культурно-историческом своеобразии в рамках афанасьевской общности в целом. С одной стороны, среднегорье и низкогорье в нижнем течении Катуня в раннюю бронзу, как и в последующие эпохи, являлись пограничной культурной зоной. Афанасьевские памятники встречаются здесь вплоть до окрестностей Горно-Алтайска. С другой стороны, все сопредельные с поселением Муны-1 комплексы на средней и нижней Катуня (Чепош-3,

Эликманар, Бийке-2) (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992, с.41) относятся к позднеафанасьевскому времени. Учитывая центрально-азиатское происхождение афанасьевской культуры (Молодин В.И., 1992, с.27) предполагает освоение этого региона на заключительном этапе распространения афанасьевско на Алтае. Исходя из датировок бытования афанасьевской культуры в этой территории – с конца IV до начала II тыс. до н.э., очевидно, что её носители проживали на Северном Алтае в первые века II тыс. до н.э. Хронологически это соответствует периоду позднего голоцена, когда происходило несколько значительных изменений климата (Бутвиловский В.В., 1993, с.217, 222). Этот природный процесс сопровождался многочисленными экстремальными явлениями, в том числе мощными паводками, селями, усилением сейсмической активности. Следы этих событий нашли отражение с стратиграфии многослойного поселения Муны-1. На кровле афанасьевского слоя этого комплекса неоднократно фиксировался грубообломочный материал, что соответствовало, вероятно, последнему этапу существования здесь поселения в эпоху бронзы. Значительные изменения, по мнению В.В.Бутвиловского, происходили в составе и характере растительности на фоне миграций представителей фауны в низкогорье и среднегорье Алтая. Все это несомненно стимулировало продвижение носителей афанасьевской культуры на северные территории. Говоря о позднем времени существования здесь афанасьевцев, нельзя обойти молчанием вопрос о возможности их проживания до эпохи раннего железа. Выдвинутая гипотеза М.П.Грязнова находит подтверждение в некоторых районах Алтая (Плотников Ю.А., 1992, с.19-20). Однако для Северного Алтая, судя по стратиграфическим разрезам поселения Муны-1, такое предположение пока не находит подтверждения. Несмотря на то, что афанасьевский слой перекрыт отложениями эпохи раннего железа, керамика афанасьевского облика сильно окатана и раздроблена. Это соответствует степени разрушения материала после некоторого перерыва жизнедеятельности и начала нового освоения поселенческой площадки. Попутно следует отметить, что точка зрения о наличии временного разрыва между афанасьевской культурной традицией и культурами эпохи раннего железа (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1991, с.58-59) вполне справедлива для тех регионов, где это находит подтверждение в материалах многослойных комплексов. К таким памятникам, безусловно относится поселение Муны-1. В связи с этим вопрос о синхронизации позднеафанасьевской и майэмирской культур (Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1992, с.33-36) для нижней Катунь пока остается открытым.

Особенно интересен в этой связи бронзовый псалий из кург.4 могильника Майма-19 (Киреев С.М., 1992, с.45). Он явно архаичен и имеет аналоги среди материалов майэмирских памятников (Чёрный Ануй-1) в верховьях Ануй на Северо-Западном Алтае. Это можно объяснить и хронологическими парадоксами, характерными для районов – микроизолятов Горного Алтая. Судя по этнографическим данным (Славнин В.Д., 1991, с.180), и на Северном Алтае были подобные зоны с природной замкнутостью пространства. Эта черта была характерна и в районе р.Муны, которая при впадении в Катунь с севера и юга была ограничена скальными прижимами. Наличие этих препятствий долгое время сдерживало здесь прокладку Чуйского тракта, участок которого был построен только в 20-е г. нашего столетия (Шмойлов Э.П., 1993, с.190) сидетьствуют источники, естественная "неприступность" р.Муны неоднократно помогала племенам обороняться. Так, старшины Тарда, Ерелей и Намыкай "со отобранными людьми-бойцами для обережки от ... мунгалского войска опасности в шестидесяти человеках" выдвинулись в конце 1757 г. к реке. Это позволило ясачным теленгитам избежать нападения цинских войск, зимовавших в Горном Алтае до 1758 г.

В целом появление на этой территории многослойного поселенческого комплекса Муны-1 было обусловлено комплексом природных и социально-экономических факторов. Продолжение исследований этого поселения, как заметил В.И.Молодин, достаточно перспективно. В первую очередь это интересно с точки зрения определения этно-территориальных и культурных границ на Горном Алтае и сопредельных с ним территорий. В этом отношении Северный Алтай безусловно играет особую роль как район с повышенной миграционной активностью, этнической пестротой населения на протяжении нескольких последних тысячелетий. Этот перефирийный район горной страны стал естественной контактной зоной, во многом благодаря территории нижней Катунь – своеобразного "исторического" моста или "коридора". Отчётливое проявление этого феномена произошло в эпоху палеометаллов с переходом к производящему хозяйству и формированию хозяйственно-культурных типов и этнокультурных общностей.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. К этнокультурной ситуации в северных предгорьях Алтая в середине I тыс. до н.э. (по материалам поселений) // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С.59-63.
2. Абдулганеев М.Т. Валиковская керамика раннего железного века в предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С106-109.
3. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая //

Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С.43-63.

4. Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992.– С.33-36.
5. Бородаев В.Б., Коренько В.А. Археологические наблюдения в районе хребта Чихачёва // Охрана исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С.76-80.
6. Бородовский А.П. Имитация кожаной посуды в керамике и её возможные связи с миграциями древних культур // Смена культур и миграции в Западной Сибири. – Томск, 1987. – С.93-94.
7. Бородовский А.П. Проблемы возникновения керамики, имитирующей кожаную утварь // Древняя керамика Сибири. – Новосибирск, 1990. – С.122-128.
8. Бородовский А.П. Предварительные итоги исследования одного из многослойных поселений Горного Алтая // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С.59-61.
9. Бородовский А.П. Пойменное земледелие и расположение археологических памятников (по материалам исследований Обской поймы у р.п.Колывань) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск, 1994. – С.20-21.
10. Бородовский А.П. Многослойный поселенческий комплекс Муны-1 на нижней Катунь // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.19-21.
11. Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. – М., 1988. – 180 с.
12. Бутвиловский В.В. Палеогеография последнего оледенения и голоцена Алтая: событийно-катастрофическая модель. – Томск, 1993. – 255 с.
13. Васильевский Р.С. Древнейшие жители Сибири // В мире науки. – М., 1985. – №3. – С.39-49.
14. Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпритации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С.94-97.
15. Дергачев В.А. О понятии "контактная зона" // Археологические культуры и культурная трансформация. – Л., 1990. – С.80-81.
16. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск, 1994. – Ч.1. – 250 с.
17. Деревянко А.П., Молодин В.И., Маркин С.В. Археологические исследования на Алтае в 1986 г. – Новосибирск, 1987. – С.47-48.
18. Кармышева Б.Х. Ткачество и прядение у населения южных районов Таджикистана и Узбекистана (XIX–начало XX в.) // Проблемы типологии и этнографии – М., 1979. – С.251-255.
19. Киреев С.М. Памятники нижней Катунь раннего железного века // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита, 1988. – С.60-62.
20. Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе // Проблемы сохранения, использования и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С.67-70.
21. Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С.50-53.
22. Киреев С.М. Курганы Майма-19 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С.43-46.
23. Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С.118-121.
24. Киреев С.М., Алехина Е.В. Поселение Майма-18 // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994.–С.43-46.
25. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Находки ранней бронзы со средней Катунь // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С.65-71.
26. Клейн Л.С. "Генераторы народов" // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С.130-139.
27. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М., 1981. – 255 с.
28. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.39-42.
29. Кудрявцев П.И. К вопросу о южных границах распространения ирменской культуры // Проблемы археологии Северной Азии. – Чита, 1988. – С.62-63.
30. Кудрявцев П.И. К итогом изучения бронзового века Горного Алтая // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С.35-40.
31. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. К вопросу о периодизации бронзового века Центрального Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С.57-59.
32. Мартыщенко Е.В. Древнее земледелие Горного Алтая // Проблемы Археологии Северной Азии. – Чита, 1988. – С.60-61.
33. Матвеев А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье. – Новосибирск, 1993. – 150 с.

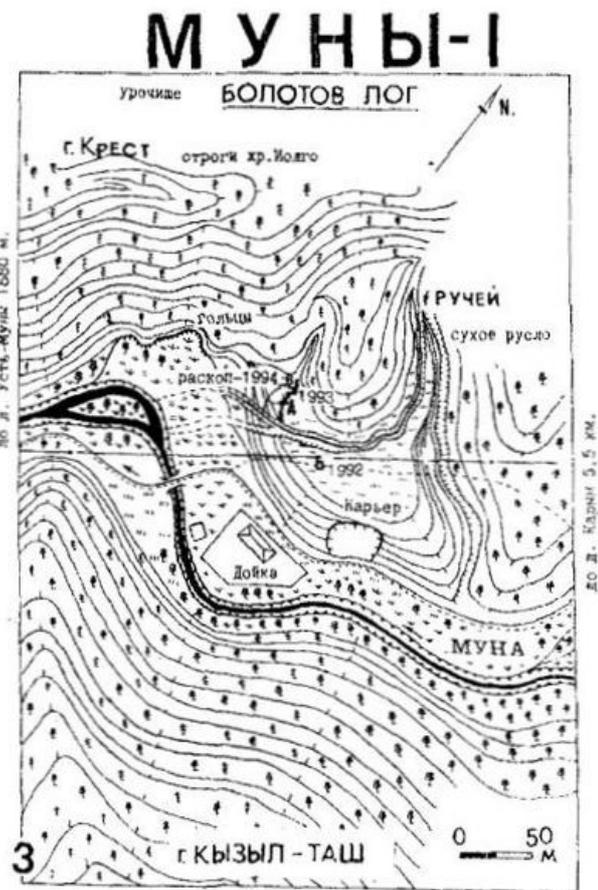
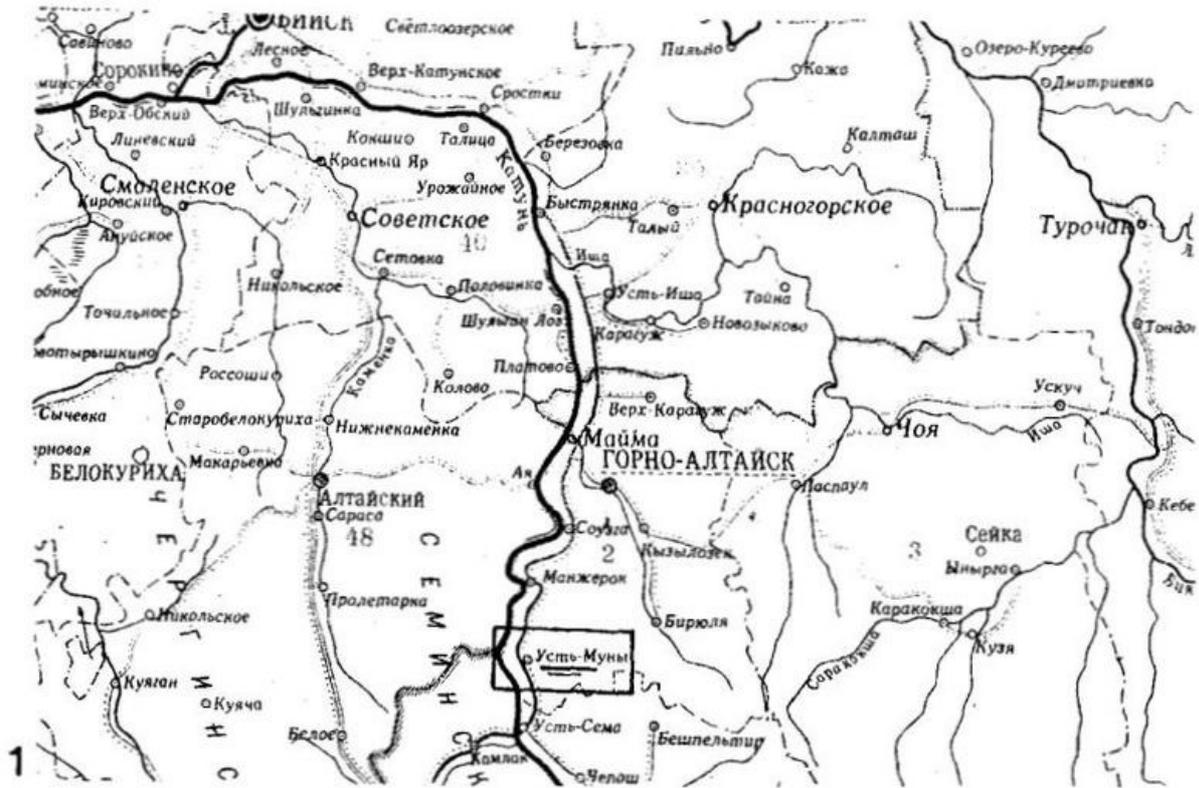

Рис.1-3

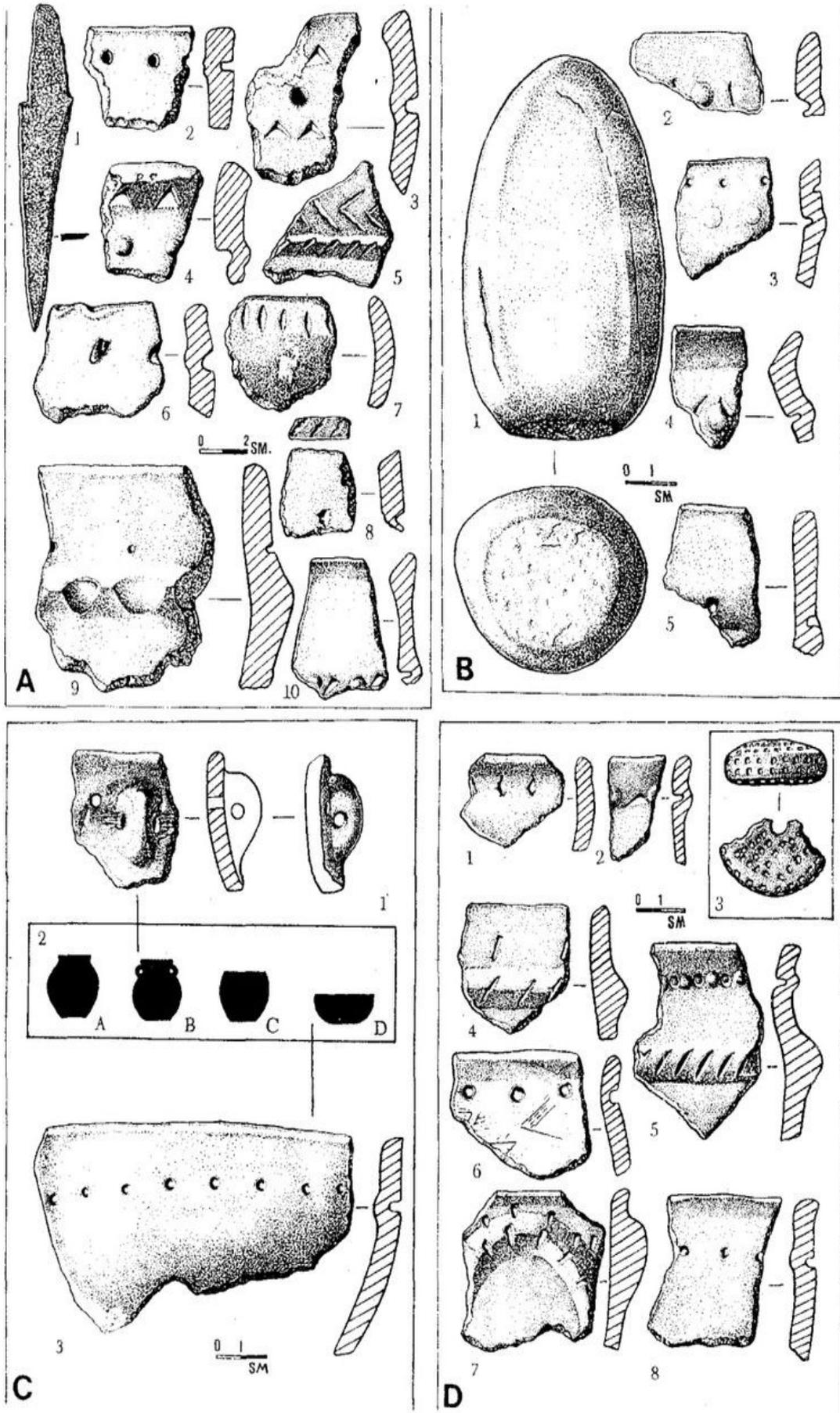

Рис.4

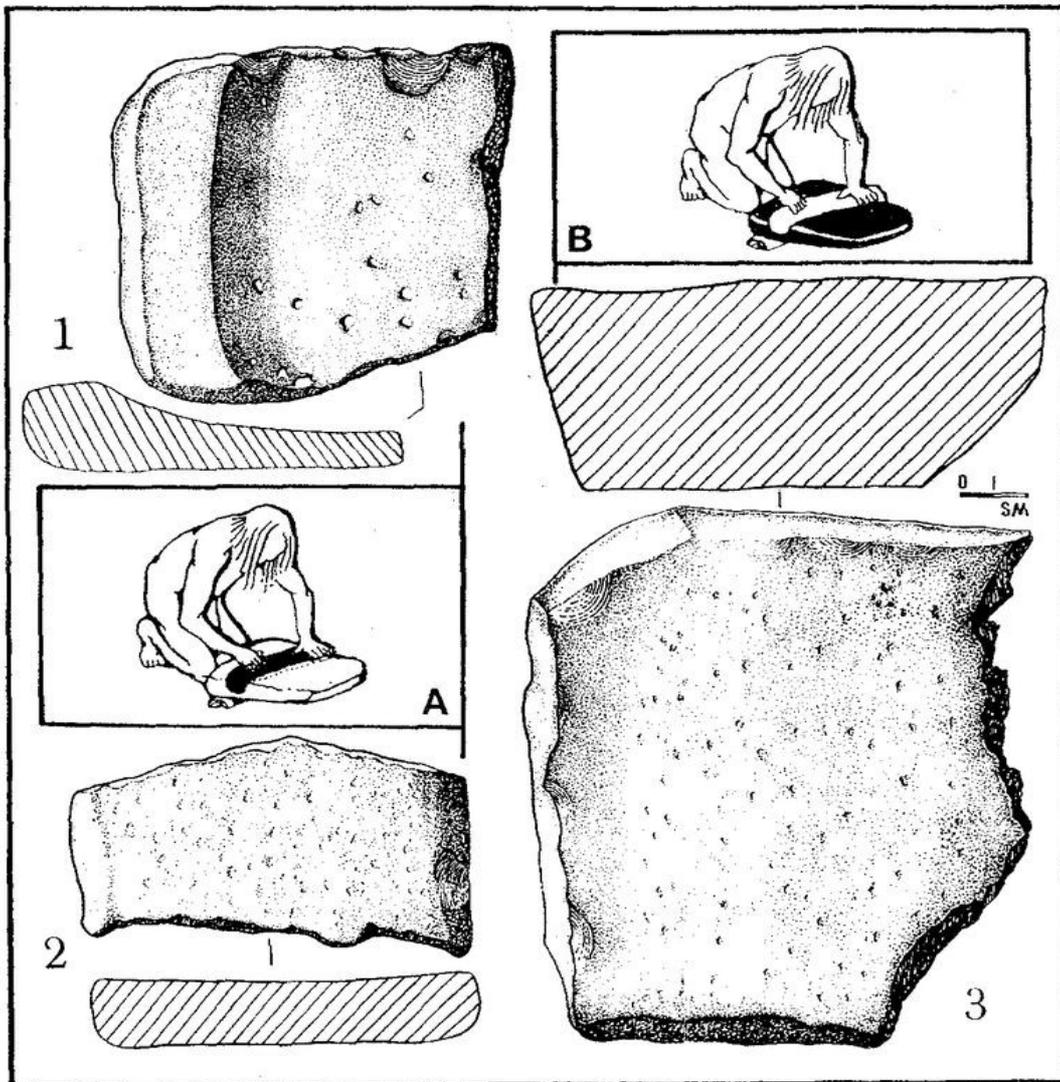

Рис.5

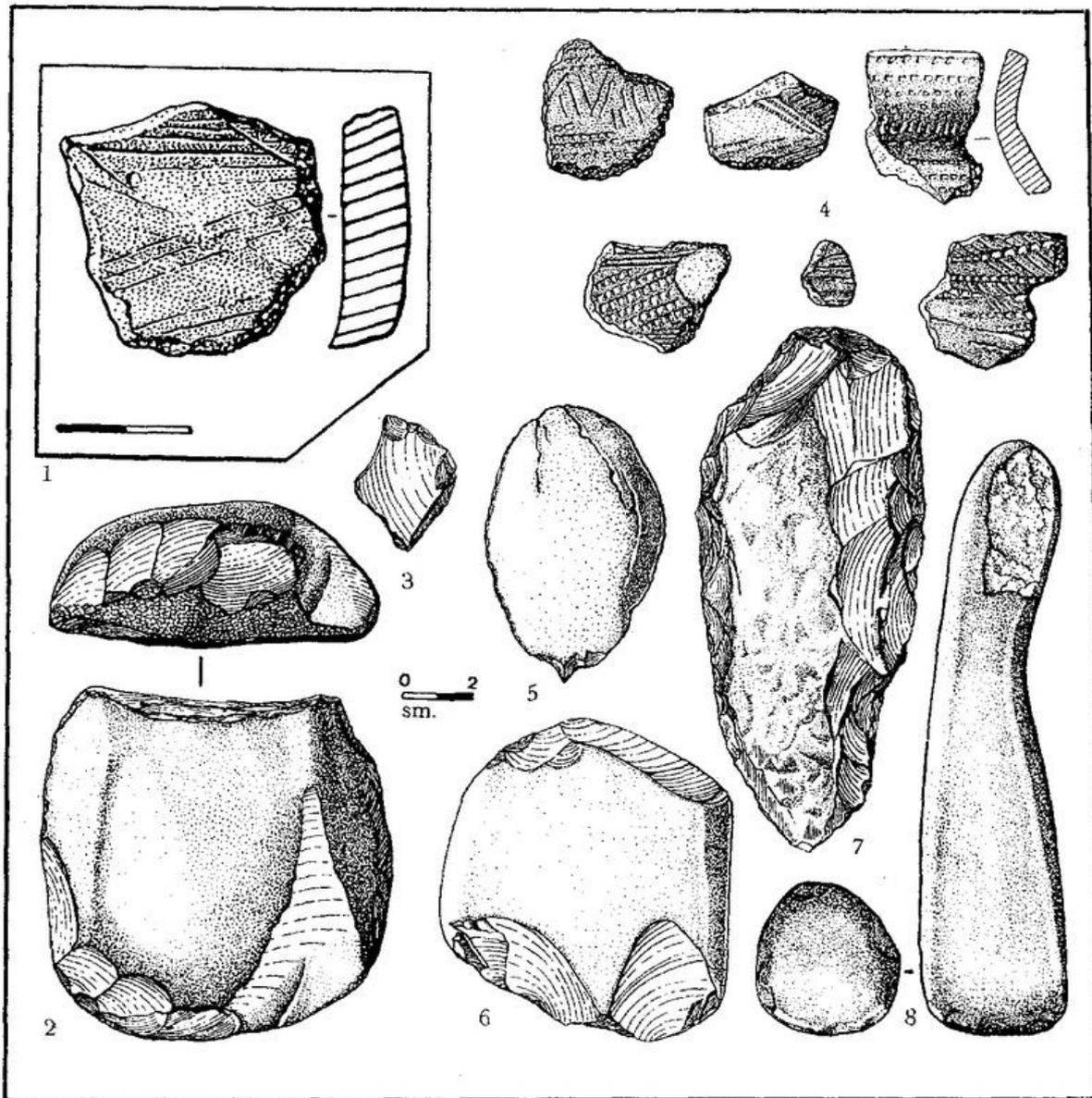

Рис. 6

34. Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // Проблемы изучения культуры населения горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С.81-83.
35. Молодин В.И., Петрин В.Т. Разведка в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С.59-63.
36. Молодин В.И. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С.24-29.
37. Народы Сибири. – М.-Л., 1956. – 600 с.
38. Плотников Ю.А. О возможностях сохранения энеолитического населения Горного Алтая вплоть до раннего железа // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.17-20.
39. Плотников Ю.А. О возможности сохранения энеолитического населения Горного Алтая вплоть до раннего железного века // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.19-20.
40. Савинов Д.Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева // АО 1971 года. – М., 1972. – С.286-287.
41. Самаев Г.П. Горный Алтай в XVII–середине XIX в. Проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991. – 200 с.
42. Славнин В.Д. Архаика в духовной культуре кумандинцев // Методы реконструкции в археологии. – Новосибирск, 1991. – С.117-182.
43. Степанова Н.Ф. Исследования у села Эликманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – С.94-99.
44. Суразаков А.С. Горный Алтай и его предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1989. – 155 с.
45. Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX–начало XX в.). – Новосибирск, 1978. – 120 с.
46. Членова Н.Л. Ирменская культура и её локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1973. – С.207-209.
47. Членова Н.Л., Кубарев В.Д. Хронологические парадоксы горного Алтая // Археология Средней Азии, Кавказа и Сибири. – М., 1990. – С.51-55.
48. Шмойлов Э.П. Бийск. – Бийск, 1993. – 200 с.
49. Шульга П.И. Поселения Эпохи раннего железа Горного Алтая. Автореф.дис... канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 20 с.
50. Шульга П.И. раскопки скифского поселения Аскат-2 на средней Катунь // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.63-66.
51. Шульга П.И. Раскопки афанасьевского кургана у с.Чепеш // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч.1. – С.85-89.

Список иллюстраций к статье Бородовского А.П.

Рис.1 Карта северного Алтая.

Рис.2 Расположение поселения Муны-1.

Рис.3 План поселения Муны-1.

Рис.4 Предметы эпохи раннего железа с поселения Муны-1 (слой 1).

А/1 – железо, В/1 – камень, остальное керамика, С/2 – типы посуды.

Рис.5 Фрагменты каменных зернотерок эпохи раннего железа с поселения Муны-1.

1,2 – верхний камень, А – использование верхнего камня;

3 – нижний камень, В – использование нижнего камня;

Рис.6 Предметы эпохи бронзы с поселения Муны-1 /слой-2/.

1 – фрагмент сосуда эпохи поздней бронзы;

2,3,5,6,7,8 – каменные изделия афанасьевского времени;

4 – афанасьевская керамика.